

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

© 2011 г. Е. Л. Березович

В статье рассматривается одно из проявлений системной метафоры – метафорические микросистемы (комплексы), которые образуются в том случае, когда различные метафорические обозначения из одной тематической сферы получают взаимосвязанные, смежные денотаты (объекты номинации) или один и тот же денотат. Материалом для статьи послужила метафорическая лексика различных славянских языков и диалектов, образованная на базе терминологии родства. Выясняются функциональные, семантико-мотивационные и структурные особенности метафорических микросистем, при этом в ходе анализа учитываются такие параметры, как: характер денотатов и связи между ними; сфера функционирования метафорических комплексов; формальная выраженность элементов комплексов; прагматика номинативной деятельности (точка зрения говорящего); специфика отношений между элементами комплексов.

The article deals with an instance of systemic metaphor, namely, with metaphoric microsystems (complexes) that appear when different metaphoric names which belong to one thematic sphere are ascribed to interrelated, contiguous denotations (i.e., objects of nomination), or to the same denotation. The paper is based on metaphoric words stemming from kinship terms in a variety of Slavic languages and dialects. Functional, semantic, motivational and structural features of metaphoric microsystems are elucidated. Such parameters as the nature of denotations and relations between them; domain of metaphoric-complexes functioning; formal expression of the elements of the aforementioned complexes; nomination pragmatics (speaker's point of view); specific characteristics of relations among elements of the complexes are considered.

Ключевые слова: лексикология, диалектология, славистика, ономазиология, теория метафоры, системная метафора, термины родства.

Key words: lexicology, dialectology, Slavic studies, onomasiology, theory of metaphor, systemic metaphor, kinship terms.

Постулатом современной семантики, пониманию которого на качественно новом уровне во многом способствовала деятельность Московской семантической школы во главе с Ю.Д. Апресяном, является положение о системной организации лексических значений естественного языка – как первичных, так и реализующихся в парадигмах лексем многозначных слов. Одним из проявлений лексико-семантической системности служит системная метафора. Системные метафорические переходы связывают различные тематические группы лексики: например, ботаническую терминологию и терминологию родства, соматическую лексику и наименования рельефа, орнитологическую лексику и обозначения детородных органов etc. (см. [1, с. 188–203]), при этом для понимания

мотивов метафоризации требуется семантическая реконструкция разной глубины (в последнем примере наиболее глубинная). Насущна задача разработки инструментария, способствующего “прочтению” системной метафоры.

Среди многих проявлений системной метафоры можно выделить те случаи, когда различные метафорические обозначения из одной тематической сферы закрепляются за взаимосвязанными, смежными денотатами (объектами номинации) или за одним и тем же денотатом. Это можно проиллюстрировать примерами соматической метафоры. Сначала – примеры микросистем с участием смежных объектов номинации. Русские диалектные названия деталей некоторых устройств и сооружений при “сборке” могут дать “лицо” или “фигуру” человека: у мялки выделяются *щеки*, *рот* и *язык* (*щеки* ‘боковые дощечки, стенки мялки’, *рот* ‘желобок, в котором мнут лен’, *язык* ‘часть мялки, разминающая лен между ее щеками’ [2, с. 103]), у улья – *голова*, *око*,

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” (тема “Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении”).

ухо (голова ‘верхняя часть улья’, око ‘леток колодочного улья’, ухо ‘колышек, выступающий в верхней части колодочного улья и служащий для зацепки при подъеме улья на дерево’ [2, с. 103]), у колокола – тулово, оплечье, язык, уши, плащ, юбка [3, с. 219], у лодки (карбаса) – нос, брови, скулы (рус. литер. нос лодки, арх. скула ‘одна из расширяющихся частей лодки, начинающаяся от носа’ [4], свердл. брови ‘жерди, скрепляющие обшивку лодки с наружной стороны’ [5, вып. 1, с. 56] и т.п.). Такое восприятие может подтверждаться текстами, ср. костр. “Человек как карбас: у карбаса каркас – у человека ребра, у карбаса корна <корма> – у человека зад, у карбаса носок – у человека голова, у карбаса крылья – у человека руки” [6]. Теперь – пример микросистемы вариантов метафорических названий одного и того же объекта: рус. костр. плечико, локоток, палец ‘ручка на черенке косы’ [6].

Таким образом, перед нами своеобразные **метафорические микросистемы (ряды)**, удовлетворяющие следующим условиям: источники метафоры объединены принадлежностью к одной тематической сфере лексики, “реципиенты” – к другой, между этими сферами фиксируются повторяющиеся метафорические переходы; объекты номинации являются смежными, включенными в одну бытийную ситуацию или даже идентичными. Условие смежности (идентичности) объектов номинации вводит названия в объектный “контекст” – и тем самым позволяет более точно понять мотивы метафорической номинации (так, образ скулы лодки дополняет образ носа и более понятен на его фоне).

В статье будет рассмотрен феномен метафорических микросистем в лексике с опорой на материал определенной тематической группы: в центре нашего внимания микросистемы, составленные **терминами родства**. Материал извлечен из диалектной (преимущественно) и литературной лексики славянских языков; в некоторых случаях (для поддержки определенных мотивационных решений) используются также данные романогерманских языков.

Причины выбора для анализа “семейной” метафоры очевидны: код родства организован как прозрачная и четкая сетка отношений (“старше – младше”, “кровный – некровный”, “мужской – женский”), что позволило Ч. Филлмору считать данную лексическую группу типичным представителем такой семантической структуры, как *семантическая сеть* [7]. Высокая аксиологичность и древность соответствующей лексики обеспечивает регулярность вторичных номинаций, в

которых эта “родственная сетка” закономерно преобразуется. Отсюда особая значимость кода родства для изучения метафорических микросистем: системность в данном случае характеризует собственно объект метафоризации.

Метафорические значения могут быть основаны, во-первых, на качественной, во-вторых, на относительной (релятивной) составляющей семантики терминов родства, которые являются подклассом “универсального класса имен релятивной семантики” [8, с. 250]. В первом случае учитываются признаки “главный, основной” (для *матери, отца*), “плодовитый” (для *матери*), “носящий траур” (для *вдовы*), “злой” (для *свекрови*) и др. Во втором случае реализуются признаки, выражающие связи между родственниками: к примеру, связи по старшинству могут быть переосмыслены в отношении “раньше – позже”, “больше – меньше”; градация по внутрисемейной близости отражается в признаках “ближе – дальше”, “вместе – отдельно” (ср. пример из народной топонимии: камни *Братья* в Прикамье стоят рядом, а камень *Дядя* расположен поодаль) [9]. Как далее будет показано, качественные и релятивные признаки различным образом проявляют себя при метафоризации: иногда учитывается какой-то один тип признаков, иногда оба одновременно, но с разной степенью участия в формировании каждого отдельного метафорического значения.

Ниже будут рассмотрены функциональные, семантико-мотивационные и структурные особенности метафорических микросистем. В ходе анализа будут приниматься во внимание такие параметры, как: • характер денотатов и связи между ними; • сферы функционирования метафорических комплексов; • формальная выраженность элементов комплексов; • прагматика номинативной деятельности (точка зрения говорящего); • специфика отношений между элементами комплексов.

I. Рассмотрим ситуацию, когда метафорические микросистемы составлены обозначениями одной и той же реалии (или однотипных реалий). В случае семейной метафоры в основу таких обозначений положены образы различных “родственников”, при этом актуализируются качественные признаки объекта (для проявления относительных признаков здесь нет базы, поскольку нет денотативного ряда – и следовательно, повода для номинативного осмысления связей между денотатами). Образы родственников, приложимые к одному денотату, образуют микросистемы, которые могут включать в себя одноплановые образы или же разноплановые, основанные на учете

различных свойств денотата. Проанализируем каждый из этих случаев.

Если метафорический комплекс составлен обозначениями из одного образного ряда, то в них оказываются отраженными сходные мотивационные признаки (при сходном угле зрения на объект номинации). Например, звездное скопление Плеяды содержит множество мелких звезд, которые расположены “сгущенно”, близко друг к другу, отсюда образ семьи в целом или же тех ее членов, которые ассоциируются с идеей однородного множества – сестер, братьев, сыновей, “баб”: рус. арх., свердл. *Семейка (Попова Семья)*, влг. *Семь Сестер*, арх. *Братки*, сев.-рус. *Бабы* [10, с. 58–59; 11], польск. *Siedem braci, Baby, Babki*, чеш. *Báby*, укр. *Баби* [12, t. 1, s. 246–247].

При номинации таких строительных конструкций, как подставки с отверстиями, куда вставляются различные детали, используются образы из женского ряда, за которыми стоит эротическая ситуация (закрепление детали в отверстии воспринимается как совокупление): болг. диал. *невѣста* ‘деревянная подставка для газовой лампы’ [13, т. 4, с. 587], рус. арх. *девка* ‘подставка (на барках) с отверстием, в которое вставляется длинное весло’ [14, вып. 7, с. 318], сев.-рус. *маточка* ‘часть грабель, куда вставляются зубья’ [4], польск. диал. *matka* ‘кусочек дерева с выемкой, на который кладется и обрабатывается какая-л. деревянная заготовка’ [15, t. 3, s. 127–128], *babka* ‘головка *dziadka* – столярного приспособления для закрепления обрабатываемого дерева’ [16, s. 14]. Мотивационно близко к этим фактам также рус. волгогр. слово *девка* – ‘чулок, связанный без пятки’ [17, вып. 2, с. 26].

Растение *Viola tricolor* (анютины глазки) “притягивает” образы “неполноценных” родственников – не имеющих (потерявших) пару, некрowych. Это мачеха (серб. *maħaha, maħaxица, maħуха*, словен. *mačehа*, чеш. *maceška*, н.-луж. *macoška* [18, с. 167], слвц. *macoška* [19, t. 2, s. 105], польск. *macoszki* [20, t. 2, s. 841]), сирота (серб. *сирота, сиротица*, словен. *sirotica*, чеш. *sirotka*, н.-луж. *syrotka* [18, с. 167]), вдова (серб. *удовица* [18, с. 167], польск. *wdówka* [20, t. 7, s. 494]), холостяк (болг. диал. *засмян ерген* (“смеющийся холостяк”) [13, т. 1, с. 503]); ср. также англ. диал. *stepmother* (“мачеха”) [21, t. 10, s. 921]. Интересную вариацию образа дает итальянский язык, в котором фиксируется название *suocera e nuora* (“свекровь и невестка”) [22]. По версии В. Махека, растение получило свое название за то, что оно остается “в одиночестве” в сентябре и октябре в полях, с

которых все уже убрано [23, s. 71–72]. Более вероятным нам видится другое объяснение: у этого цветка своеобразное расположение лепестков – четыре лепестка образуют пары, а один является непарным, – отсюда образ мачехи, сироты и т.п.¹ Кроме того, цветок зачастую имеет темную (фиолетовую) окраску, – а в языковом образе вдовы и сироты значим признак темного цвета.

Еще один пример – наименования висячей или неполной концевой строки, выделяющейся этой неполнотой из общего ряда. В различных европейских языках в жаргоне типографских работников и полиграфистов она называется “вдовой”, “сиротой” или “внебрачным ребенком”: рус. типограф. *вдова* ‘верхняя висячая строка’, *сирота* ‘нижняя висячая строка’, ср. также англ. *orphan* (“сирота”), *widow* (“вдова”) ‘то же’ [22].

Встречаются и такие случаи, когда в системе метафорических обозначений одного объекта прослеживаются разные ряды образов (нередко противопоставленных друг другу). Складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: один и тот же объект получает названия, в которых отражены образы, входящие в оппозицию по какому-либо признаку (мать – дитя, дед – внук и др.). Это становится возможным потому, что объект номинации подвергается разноаспектному рассмотрению, со сменой точки зрения, позиции номинатора. При этом могут выделяться различные свойства объекта – как взаимосвязанные, так и нет.

Наиболее типичная для этой группы метафорическая ситуация – “схватывание” в номинациях разных стадий динамично меняющихся явлений. Примером могут служить названия вегетативных частей растений (почек, усов и др.), которые одновременно могут рассматриваться как “родители” и как “дети”: чеш. диал. *matizna* ‘почка’ [24, d. 1, s. 194], рус. костр. *деточка* ‘то же’ [6]; рус. Краснояр. *дедок* ‘усик растения’ [25, с. 72], влг. *сынок* ‘то же’ [4]; болг. диал. *майка* ‘сдвоенный колос’ [13, т. 3, с. 615], рус. костр. *детки* ‘то же’ [6]. Такое рассмотрение отражает преемственность процесса порождения: почка – “дитя” растения и вместе с тем – источник новой жизни.

Интересны также обозначения пены на поверхности напитков. Здесь представлены, с одной стороны, “молодежные” образы (рус. влад. *мо-*

¹ Эта версия находит косвенное подтверждение и в сербской этимологической легенде: “нижний лепесток цветка – мачеха, два средних – ее дочери, а два верхних – падчерицы. Мачеха сидит на двух стульях, у каждой из ее дочерей есть свой стул, а обе падчерицы должны сидеть на одном стуле” [18, с. 167].

лодость, влг. *мóлодь* ‘пена на пиве, квасе и т.д.’ [14, вып. 18, с. 227, 230]), а с другой – образ бабы (рус. арх. *бабка*, *матка* ‘пена на поверхности пива при варке’ [4], польск. диал. *babka* ‘пенка на кипяченом молоке’ [26, t. 1, z. 2, s. 228]). Появление “молодежных” образов объясняется ферментационными свойствами напитков – пена “порождается” в процессе брожения (ср. также реализацию обратной модели: рус. влг. *пенка* ‘последний ребенок в семье’ [4]). Образ бабы и матери мотивирован тем, что пена может трактоваться не только как результат ферментации, но и источник последующего брожения и “сгущение” свойств продукта². Кроме того, пенка на молоке естественно связана с образом кормящей женщины, матери (ср. мотивацию запрета есть много пенек от молока – рус. костр. “Рано вырастут большие титьки” [30]).

Циклично сменяющие друг друга стадии процесса таяния снегов отражены в названиях позднего весеннего снега. Такой снег может восприниматься как новый, “свежий”, выпадающий тогда, когда основной снежный массив “постарел”, – и в этом случае он кодируется с помощью образа внука (в противопоставлении давно выпавшему снегу – “деду”), ср. рус. ср.-урал. *внучек* ‘поздний весенний снег’ [31], костр. *дедушко* ‘старый, давно выпавший снег’ [6], влг. *ded* ‘то же’ [32, вып. 3, с. 196], а также польск. *dziadowski* (“дедовский”) ‘о снеге: такой, который выпал первым или немного позднее’: “Drugí śnieg, bardziej trwały zwano dziadowski” [26, t. 7, z. 1, s. 149–150]. Пара *внук* – *ded* часто встречается в составе фразеологизмов, ср. сев.-рус., ср.-урал. *внук* (*внучек*, *внучатка*) *за дедкой* (*дедушкой*) *пришел* (*идет*, *пошел*, *валит* и др.) [32, вып. 2, с. 131–132; 32, вып. 3, с. 196; 6; 31]: влг. “Старый дед лежал, а потом накурило, внучек за дедкой пришел” [32, вып. 3, с. 196], влг. “Внук за дедушкой идёт – половица такая старинная: внук уедёт и дедушка за собой уведёт” [32, вып. 2, с. 131]. Если изменить точку отсчета на оси времени, то “дедом”, наоборот, можно считать поздно выпавший снег: рус. костр. *дедок* ‘о позднем снеге’ [6]. Иной вариант разворачивания метафоры – привлечение образов мачехи и пасынков: рус. арх. *мачеха за*

пасынками пришла ‘о последнем весеннем снеге, уносимом рекой с берегов’ [4], карел. *пасынок* ‘льдина, оставшаяся после ледохода на берегу’: “Пасынки – это льдины на берегу, которые остаются, за ними вода обратно придет” [33, вып. 4, с. 407]. Возможность разного рассмотрения этих явлений в аспекте “порождения” одного другим отмечена в загадках: рус. “Мать меня рождает, а я – ее” (вода и лед), “Сперва я тебя рожу, потом ты – меня; можно тебя назвать моей дочерью и матерью” (лед) [34, с. 184, № 1494, 1494а].

Эти примеры отражают незамкнутость, цикличность процесса порождения, который может быть рассмотрен как со стороны порождаемого, так и со стороны порожденного.

Иногда разные образные ряды запечатлевают не связанные друг с другом свойства реалии. Рассмотрим обозначения растения репейник (чертополох). Способность репья цепляться за одежду привлекает образы таких членов семьи, у которых нет пары (или вообще семьи), но есть стремление ее обрести: сев.-рус. *вдовец* [32, вып. 2, с. 38; 35, вып. 3, с. 68; 33, вып. 1, с. 168], чеш. диал. *snoubenec* (“жених”) [36]. “Любвеобильность” репья, способность “приставать” ко всем без разбора отражена и в рус. яросл. *любим* ‘репейник’ [6]; ср. также сиб. *любима* ‘семена любых растений, пристающие к одежде’ [14, вып. 17, с. 235] и контекст: “Они <цветы> ко всем лепятся, как вдовцы” [33, вып. 1, с. 168]. В то же время у репья есть другое яркое свойство – колючесть, благодаря которому репей “притягивает” образы мачехи, тещи, золовки: рус. пск. *мачеха* [37, вып. 18, с. 78], чеш. диал. *tchyně* (“теща”) [36], ср. также рус. поговорку “Золовушка речи репьем стоят” [27, т. 4, с. 691]. Признак колючести составляет и новую грань образа вдовца, ср. рус. влг. *вдовец* ‘репейник’: “Вдовец колючий, как вдовый мужик” [32, вып. 2, с. 38–39]³. Растение осыпается, становясь белым и “лохматым”, – возможно, это его свойство фиксируется в образах деда (дяди): рус. краснаяр., латыш., литов., пск., смол., эст. *ded* [14, вып. 7, с. 328], польск. *dziad* [26, t. 7, z. 1, s. 140], болг. *чичёк*, *чичка* (“дядя”) [38, т. 5, с. 557].

Особо следует остановиться на очень редкой, но не менее любопытной номинативной ситуации: различные метафорические обозначения одной и той же реалии основываются на одном и том же мотивационном признаке, но даны от лица различных субъектов, – и, соответственно, функ-

² Такой поворот образа матери особенно ярко проявляется в обозначениях дрожжей, уксуса, отстоя и проч., ср. рус. *матка* ‘старый или густой уксус, отсед, вливаемый в смесь, из которой делают уксус’ [27, т. 2, с. 307], серб. *матица* ‘неначатое вино, хранящееся в бочке, осадок, отстой’ [28, вып. 17, с. 260], слов. диал. *matka* ‘дрожжи в вине’ [19, т. 2, с. 135], *ocetna matica* ‘тонкая пленка, которая появляется на поверхности алкогольных напитков, когда они идут на уксус’ [29, knj. 2, s. 710] и т.п.; ср. также нем. диал. *Mutter* ‘осадок, гуща’ [22].

³ Кроме того, “вдовые” названия репейника могут дополнительно поддерживаться цветовой характеристикой растения: рус. влг. *вдова* ‘репейник’: “Вдова невысока растёт с колючками, фиолетовым цветом цветёт” [32, вып. 2, с. 38].

ционируют в речи разных коллективов носителей языка. Ср. комментарий к болг. диал. фитониму *невестин язык*: “Бурьян с твердыми и острыми колючками. Так его называют старшие женщины, свекровки, а молодые, невестки, зовут его *свекрвин език*” [39, т. 4]. Схожая ситуация складывается в польских говорах с обозначениями одуванчика: он имеет названия *męska stałość* (“мужское постоянство”) и *panieńska stałość* (“женское постоянство”) [18, с. 85].

II. Наиболее благоприятные условия для создания метафорических микросистем появляются тогда, когда **семантически связанные обозначения фиксируются у различных смежных реалий**. Появляется база для сопоставления объектов, поэтому при номинации, наряду с их качественными признаками, актуализируются относительные (и иногда их роль более существенна).

Изучаемые метафорические комплексы могут иметь **разные сферы функционирования**. С этой точки зрения выделяются моносистемные и полисистемные комплексы.

Моносистемные комплексы являются гомогенными, их элементы функционируют в одной локальной языковой традиции или языковом идиоме (и, соответственно, могут быть представлены в одном контексте). Простейший пример – названия растений типа *мать-и-мачеха* или *жених-невеста*, *иван-да-марья* (с многочисленными иноязыковыми параллелями). Здесь микросистема “уложила” в одну номинативную единицу, в которой отражено сопоставление поверхности растений (гладкость / шершавость = мать / мачеха) и их цвета (синий, голубой / розовый, белый = жених / невеста).

Идеальной моделью “семейственности” служат названия пальцев руки. Пальцы обладают ярчайшим признаком “совместности”, но дифференцируются по размеру и функциям. Ср. рус. арх. *бабка*, *мати*, *тата*, *сынок*, *дочи* ‘соответственно большой, указательный, средний, безымянный пальцы руки и мизинец’: “Мати, тата, сынок, дочи, а бабка самая толстая, как за старшую у их” [32, т. 3, с. 262]; чеш. диал. *táta*, *máma*, *dědek* ‘соответственно большой, указательный и средний пальцы руки’: “Palec je tátou, ukazovač mámou, prst střední dědkem” [40, d. I, s. 366].

Полисистемные комплексы – междиалектные и межъязыковые, “рассыпанные” по разным языковым идиомам. Их приходится “собирать”, реконструируя отношения между элементами. Полисистемные комплексы нередко продолжают, расширяют моносистемные.

В качестве примера можно привести обозначения алкогольных напитков и различных компонентов ситуации их приготовления. Крепкий напиток представляется “главой семьи” (рус. арх. *отец*, влг. *тятька* [4], блр. диал. *дзядок* ‘хмельной хлебный квас’ [41, т. 1, с. 118]), в то время как разбавление (или другое качественное изменение напитков) трактуется как их женитьба, ср. рус. арх., влг. *женить* ‘развести алкогольный напиток водой’ [32, вып. 3, с. 356], сарат., куйбыш. *женить* ‘разбавить водой (квас, пиво и т.п.)’, куйбыш. *женатый* ‘разбавленный водой (о квасе, пиве, водке и др.)’: “Квас весь выйдет, варить новый не охота: его (старый квас) подмолодят (разбавят водой), вот и женатый” [14, вып. 9, с. 124, 125], пск., твер. *совѣтаться* ‘прокиснуть (о щак, супе)’ [14, вып. 40, с. 39], кубан. *женить молоко* ‘разбавлять молоко водой, чтобы иметь выгоду при продаже’ [42, с. 98], чеш. *ženit víno (křtit víno)* ‘разбавлять водой’ [43, s. 419], болг. *венчая се* ‘изменяться вещественно (о продуктах в одном блюде)’ [44, с. 279–280]. Смесь более сильного и слабого напитка – “отец и мать” (польск. диал. *tata z matom* ‘спиртное, разбавленное соком’ [16, s. 888]), – а сам слабый, разбавленный напиток – это и “сын”, и “пасынок” (рус. арх. *сын*, *сынок* ‘квас, пивцо или брага второго налива’ [27, т. 4, с. 375], *пасынок* арх. ‘самогон второго разлива’ [4], ‘третий слив пива’ [27, т. 3, с. 24]), и “баба” (влг. *бабонька* ‘пиво, разведенное водой’ [32, т. 1, с. 32]), и “зять” (рус. коми-перм. *зятёво (зятёво) пиво* ‘при изготовлении пива: жидкий слив сусла’ [45, с. 183])⁴. Элементы этих микросистем “разбросаны” по разным языкам, но иногда некоторые из них “скапливаются” в одном контексте: рус. влг. “Всего-то бабоньки напиуся; бабонька – коуды пиво женили, вот и бабонька стала” [32, вып. 1, с. 32], арх. (о самогоне) “Сам-то отец, а женишь – сын будет” [4]. В терминологии женитьбы может осмысляться не только разбавление напитков, но и добавление в них закваски, ср. рус. башк. *женить* ‘добавить в квас сахара и муки’ [46]. Собственно сахар может восприниматься как парень, жених, ср. польск. *chłop* (“парень, кавалер”) ‘сахар’ [20, t. 1, s. 283], а напиток без сахара трактуется как вдова: рус. костр. *вдовка* ‘горчащий напиток’ [6]. Возможно, близкая модель лежит в основе исп. *madrastra* (“мачеха”) ‘алкогольный напиток амарга’ [22]. Связи между обозначениями напитков и родственников обратимы, ср. обратную модель: рус. литер. *седьмая вода на киселе* ‘о дальних

⁴ Ср. также поговорку, содержащую характеристику зятя на “языке” пищи, которая в образном плане переключается с *зятёвым пивом*: “Ни в сыворотке сметаны, ни в зяте племени” [27, т. 1, с. 699].

родственников’, новг. *двоюродный кисель на троюродной воде* [47, вып. 4, с. 43], пск. *десятая (седьмая) водина на квасине (на дробине)* ‘то же’ [37, вып. 4, с. 73].

По **формальной выраженности элементов** можно выделить семантические комплексы с эксплицитной выраженностью элементов и комплексы с немаркированным элементом.

Рассмотренные выше примеры (“пальцы”, “алкогольные напитки” и др.) иллюстрируют первый случай – комплексы с эксплицитной выраженностью элементов. Это полные, “симметричные” в плане формальной представленности микросистемы.

Комплексы с немаркированным элементом (“нулевым партнером”) являются неполными, в них формальное выражение может находить лишь один член пары (триады и проч.), однако его семантика апеллирует к “партнеру” по микросистеме, требуя его мысленного восстановления. Так, болг. диал. *невяста* является обозначением груза на рычаге, который поддерживает верхнюю доску поддувала всегда поднятой [13, т. 4, с. 587]. Здесь эротическая метафора: формально не выражен “жених” – поднятая верхняя доска.

Еще пример – рус. *дѣтыш* ‘дошатый срубик, ящик с песком на дне колодца, сделанный для очистки воды’ [48, с. 162], дон. *мальчик* ‘часть сруба колодца (деревянная обшивка), находящаяся в воде’ [49, вып. 2, с. 129]. Этот образ содержит отсылку к образу матери (так мог бы представляться основной сруб, в “животе” которого находится детеныш), однако последний не поименован.

Показательны также названия различных реалий, в основу которых положен образ мачехи. В таких фактах, как рус. печор. *мачехина береста* ‘березовая кора, вновь выросшая на ободранном месте ствола’: “Как корявый, то браняцца: Ух, мачехина береста, заскорзла така” [50, т. 1, с. 411], арх. *мачехино берѣсто* ‘шероховатый слой древесины под берестой’: “Мачехино бересто шороховато, не гнѣтся, с мачехой поживѣшь – узнаешь”, “Мачехино бересто не задирается, не сворачивается” [4], отражено неявное сравнение с “матерью” – гладкой и “исконной” древесиной. Соска-пустышка (рус. смол. *мачеха* [51, вып. 6, с. 86]) получает свое обозначение “в паре” с материнской грудью. Ср. также франц. *marâtre* (“мачеха”) ‘кольцевая балка для передачи давления кладки и холодильников шахт на опорные колонны доменной печи’ [22], за которым стоит “материнский” образ опорной колонны, и англ. диал. *stepmother* (“мачеха”) ‘кусочек кожи, торчащий

на краю ногтя, заусеница’ [21, т. 10, с. 921], исп. *padrastra* (“отчим”) ‘то же’, подразумевающие образ неповрежденного “материнского” ногтя (интересно, что в рус. костр. говорах заусеница может называться *вдовым ногтем* [6]).

В том, как язык выбирает формально выраженные элементы таких комплексов, просматриваются определенные закономерности. Во-первых, нередко такую роль играют слова, называющие детей: в “детских” образах релятивная составляющая гораздо активнее, чем в образах отца или матери (где сильным является и качественный признак). Во-вторых, зачастую на эту роль выбираются названия родственников, чьи семейные связи нарушают норму (вдова, мачеха, сирота): “нормативные” родственные отношения могут быть образно переосмыслены в приложении к слишком большому числу объектов действительности, – и такие номинации не имели бы различительной силы.

Еще одна грань рассмотрения метафорических комплексов – анализ типов **смысловых отношений между их элементами**. Кажется, материал позволяет выделить четыре основных типа, которые мы условно назовем комбинацией, градацией, дополнительностью и вариацией.

Комбинация предполагает видение элементов комплекса как деталей картины, элементов сценария, которые не сравниваются между собой по какому-то основанию, а комбинируются воедино, дополняя друг друга.

Примером служат названия элементов запоров, застеек, креплений и др. Ключ и скважина, петелька и крючок, задвижка и скоба, в которую она вставляется etc., воспринимаются в свете эротической метафоры: польск. диал. *babka – dziadek* ‘петелька и крючок’ [26, т. 1, з. 2, с. 226; т. 7, з. 1, с. 145], словц. *babka – dedko* ‘то же’ [52, т. 1, с. 203, 572], рус. арх. *ded – баба* ‘соответственно верхняя и нижняя планки крестовины’ [32, вып. 1, с. 30; вып. 3, с. 197], польск. *dziad* ‘деревянный засов’: “Dziad babe gruchoce, babie się nie chce. Dziad babe za cialo, babie się zachcialo” (“Дед бабу трясет, баба не хочет, дед бабу за тело, баба захотела”) [26, т. 7, з. 1, с. 140]; ср. рус. костр. *холостой* ‘не закрытый на ключ (о замке)’ [6], а также нем. *Bastardschloß* (“внебрачный” замок) ‘замок с обратной пружиной’ [22].

Сходные образы представлены в жаргонных наименованиях штепселя и розетки (и других соединяемых вместе электротехнических устройств), ср. рус. *nana с мамой* и др. “Перевод” этих образов на “язык” алкогольных напитков

даст описанные выше примеры (типа польск. *tata z tatot* ‘спиртное, разбавленное соком’).

Отношения комбинации можно усмотреть также на уровне “мать – дитя”. В качестве примера можно привести рус. костр. *матка* ‘чехол матраса’ [6] (не без притяжения *матрас* ↔ *мать*) – *сынок* ‘набивка матраса’: сынок находится в “животе” матери.

Градация – такой вид отношений внутри комплекса, когда они сравниваются по какому-то градуируемому признаку (по размеру, весу, интенсивности и проч.). “Родственники” могут выстраиваться в своеобразные цепочки, в которых с отцом или дедом связывается высокая степень проявления признака, а с женской или детской частью семьи – более низкая. Градация по весу (значимости) в рус. арх. *дед – бабка* ‘игральные биты разной тяжести’: “В бабки играли, бабки от скота прибирали; костяная-то бабка звалась, а со свинцом – дед” [32, вып. 3, с. 196], простореч. *дед – баба* ‘фишки 90 и 80 при игре в лото’. Градацию по размеру мы видели на примере названий пальцев; она нередко наблюдается в топонимии – в обозначениях расположенных рядом гор, скал и проч. Ср. контекст, содержащий описание камней на архангельской реке Тундийке: “Там было три камня: *Дед*, *Брат* и *Внук*. Весь форватер закрывали. *Дед* был большой, очень большой. *Брат* был поменьше и пониже, а *Внук* плоский такой был” [9]. Градация по интенсивности усматривается в обозначениях мороза разной силы: словен. *mačehovska zima* ‘очень холодная’ [29, knj. 2, s. 659] – хорв. *sirotińsko leto* ‘осенью или зимой, когда лучше погода’ [53, sv. 63, s. 64], рус. простореч. *сиротская зима* ‘теплая зима’; польск. *dziadowski mróz* ‘о первом периоде зимы, длящемся до конца календарного года’ [26, t. 7, z. 1, s. 149–150] – *babin mróz* ‘слабый октябрьский мороз’ [54, т. 1, с. 123].

О дополнительной речи может идти тогда, когда между элементами комплекса взаимоисключающие отношения. Примером служит упомянутое выше название *мать-и-мачеха*.

Вариация – такой вид отношений внутри комплекса, когда происходит “холостое” варьирование взаимосвязанных названий, которое не отражает (или отражает минимально) реальное соотношение номинируемых объектов. Смежные денотаты получают связанные наименования (если есть “баба”, то рядом должен быть “дед”), подчиняясь логике ассоциативного притяжения, не подкрепленного сверкой с объектным рядом (конечно, это не отрицает возможности приписывания объектам каких-либо связей при

переосмыслении названий). К примеру, указывавшееся выше обозначение Плеяд – польск. *Babki* – мотивировано признаком “скученности” звезд в созвездии. По ассоциации соседнее звездное скопление (скорее всего, Гияды) получает в польских говорах название *Dziadki* [26, t. 7, z. 1, s. 141]. Если учесть свойства объектов (два множества слабо светящихся звездных “точек”), то становится понятно, что дифференциация этих свойств в названиях невозможна. Здесь происходит своеобразное расщепление одного образа.

Выделенные типы отчасти накладываются на различные классификации системных отношений в лексике, оперирующие неметафорическими значениями слов. Так, градация сродни явлению контрарной антонимии, дополнительность – комплементарной антонимии. Частный случай комбинации (*сынок* в животе *матери*) можно сравнить с отношениями части и целого. Вариацию можно считать метонимическим расщеплением на базе “синонимии”. Рассуждая об этом, мы подходим к важному вопросу о соотношении неметафорической и метафорической системности (и шире – о соотношении системных связей в сфере первичной и вторичной номинации). В современной лексикологии достаточно подробно описаны типы системных отношений в области первичной номинации, в то время как наши представления о подобных отношениях в области переносных значений слов еще довольно туманны (равно как вопрос о том, как трансформируются связи типа антонимии, синонимии, гипонимии etc. при приобретении лексемами вторичных значений).

Заканчивая рассмотрение метафорических микросистем, закрепленных за смежными (не идентичными) объектами номинации, упомянем о “нулевом” проявлении описываемой ситуации: **для обозначения различных смежных объектов используется один и тот же образ**, вместо семантической связи наименований имеет место их идентичность. Мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда первостепенную роль при создании и восприятии номинативной единицы играет прагматический фактор (позиция говорящего). Примеры такого рода встречаются очень редко, но все же достойны упоминания. Ср. славянские обозначения берега реки и ее русла, образованные от слов со значением ‘мать’. Если смотреть на сушу с реки, то берег сопоставляется с матерью, поскольку это основная, устойчивая и населенная часть пространства: рус., укр. литер. *материк*, рус. арх., олон., тобол. *материк*, арх., олон. *матерá* ‘высокий берег реки или моря; берег, который не заливается и почва которого не наносная’, блр. *мацярык* и др. [14, вып. 18, с. 22,

23; 28, вып. 17, с. 239]. Этот же образ возникает при взгляде “изнутри” речного пространства на фарватер реки, ее русло – но в отличие не от суши, а от речных рукавов: рус. сиб. *матерья́* ‘основное русло реки в отличие от рукавов’, арх., влг., перм., сиб. *матерья́*, кемер., заурал. *матка*, арх., оренб., перм., сиб. *матері́к* ‘фарватер реки’, ст.-укр. *матка* ‘русло реки’, серб. *ма́тичиште* ‘средняя, наиболее глубокая часть речного русла’, болг., макед. *матка* ‘русло, середина реки’, ст.-польск. *tasica* ‘основное русло реки’ и др. [14, вып. 18, с. 22, 23, 32; 28, вып. 17, с. 135, 253, 259–263; вып. 18, с. 15–18; 55, с. 127–129].

* * *

Итак, изучение метафорических микросистем представляется полезным в разных отношениях.

Введение каждого слова, появившегося в результате метафорической номинации, в номинативный микроконтекст позволяет уточнить для них семантико-мотивационные решения, оптимизировать “прочтение” метафоры. Микроконтекст, как мы показали выше, может функционировать как на внутрдиалектном, так и на междиалектном уровне. В последнем случае, разумеется, есть риск неверной “сборки” комплекса и приписывания словам несуществующих связей. Чтобы избежать такой опасности, надо стремиться как можно более полно реконструировать комплекс, учитывая максимальное количество возможных партнеров изучаемых лексем.

Кроме того, открываются дополнительные возможности для характеристики особенностей устройства “донорской” лексической группы – системы терминов родства. Отметим только один момент: “сетевые” связи, которые заложены в исходной семантике терминов родства, настолько богаты и многомерны, что при метафорическом преобразовании они могут трансформироваться в различные другие типы семантических отношений, предполагающие сравнение объектов по какому-то признаку, их противопоставление, “комбинирование” воедино, констатацию сходства их свойств.

Какая картина будет наблюдаться на материале других “донорских” лексических групп? Думается, что они тоже могут “порождать” метафорические комплексы, – хотя, возможно, не с такими разнообразными отношениями между их элементами (при этом сами типы отношений могут повторять то, что мы видели у “родственников”, а могут добавить к этому списку что-то новое). Есть смысл это выяснить, выби-

рая для анализа те тематические группы, которые включают достаточно древние лексические единицы, отражающие разветвленные и хорошо осознаваемые связи между денотатами. Такова, например, соматическая лексика (некоторые примеры метафорических микросистем с участием соматизмов были представлены в начале статьи).

Рассмотренные примеры метафорических переносов являются в большинстве своем нетривиальными, хоть и повторяющимися. Можно ли считать их регулярными? Думается, регулярны связи между сферами отождествления – “семейной” лексикой, с одной стороны, и обозначениями строительных конструкций, растений, метеорологических явлений etc., с другой. Что касается собственно метафорических семантических микросистем, продолжающих, развивающих и варьирующих ту или иную метафору, то их трудно считать регулярными, поскольку при естественно складывающемся номинативном процессе – пестром и мозаичном – все время происходят “перебивы” какой-то одной номинативной линии, нарушающие “картину”. Ср. характерный пример из микропонимии: около покоса *Штаны*, как бы продолжая одну из “штанин”, располагается покос *Ножка*, за которым находится полянка *Глазок* (Великоустюгский район Вологодской обл.) [9] (анализ других подобных примеров см. в [56, с. 172–173]). Номинатор в данном случае не захотел “дописывать картину” (что можно было бы сделать, к примеру, за счет какого-то образа из сферы обуви), поскольку образ глаза больше соответствует объекту по форме. Точное отражение свойств объекта, “замкнутость” слова на объект нередко оказывается важнее, чем участие в целостной номинативной картине. Последний способ существования образа более характерен для текста, чем для номинативной системы, ср. текстовый пример, содержащий соотнесение корпуса лодки (карбаса) и тела человека, который был приведен в начале статьи.

Однако диалектика функционирования номинативной метафоры состоит в том, что она все же нередко отражает стремление человека развернуть, эксплицировать, прояснить связи между объектами действительности. По этой причине появление метафорических микросистем обоснованно и закономерно. Будучи частным проявлением системной метафоры, такие микросистемы предоставляют в наше распоряжение интересный в когнитивном и мотивационном плане языковой материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
2. Чайко Т.Н. Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8–9.
3. Агапкина Т.А. Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
4. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета, Екатеринбург).
5. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1987. Т. 1–7.
6. Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
7. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 23–60.
8. Журинская М.А. Об именах релятивной семантики в системе языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 38. 1979. № 3.
9. Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
10. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М., 2008.
11. Астронимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
12. Słownik stereotypów i symboli ludowych / Red. J. Bartmiński. Lublin, 1996–. Т. 1–.
13. Български етимологичен речник. София, 1971–. Т. 1–.
14. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
15. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
16. Kaś J. Słownik gwary orawskiej. Kraków, 2003.
17. Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград, 2006–. Вып. 1–.
18. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект. М., 2009.
19. Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994–. [Т.] 1–.
20. Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiecki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1935. Т. 1–8.
21. The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933. Vol. I–XIII.
22. АBBYY Lingvo x 3 – АBBYY Lingvo x 3: шесть языков. Электронный словарь.
23. Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
24. Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905–1906. D. 1–2.
25. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1988.
26. Słownik gwar polskich. Kraków, 1979–. Т. 1, z. 1–.
27. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.
28. Этимологический словарь славянских языков: Пра-славянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
29. Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991. Knj. 1–5.
30. Картотека фольклорных и этнографических материалов Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
31. Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала / Авторы-составители О.В. Востриков, В.В. Липина; Свердловский областной Дом фольклора; кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ. Екатеринбург: “Баско”, 2009 [Электронное издание].
32. Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
33. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
34. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д.Н. Садовников. М., 1996.
35. Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.
36. Архив отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской Республики (Брно).
37. Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.
38. Геров Н. Речникъ на българския език. Пловдивъ, 1895–1904. Ч. I–V.
39. Българска диалектология. Проучвания и материали. София, 1962–1981. Кн. I–X.
40. Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. 1–8.
41. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: У 2 т. Т. 1. А–П. Мн., 1990.

42. *Борисова О.Г.* Кубанские говоры: Материалы к словарю. Краснодар, 2005.
43. *Zaorálek J.* Lidová řeč. Praha, 1963.
44. *Младенов Ст.* Български тълковен речник с оглед към народните говори. София, 1951. Т. 1.
45. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006.
46. Словарь русских говоров Башкирии: А–Я. Уфа, 2008.
47. Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
48. *Сыщиков А.Д.* Лексика крестьянского деревянного строительства. СПб., 2006.
49. Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. 1–3.
50. Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2003–2005. Т. 1–2.
51. Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
52. *Slovník súčasného slovenského jazyka.* Bratislava, 2006.
53. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* JAZU. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
54. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М., 1995–. Т. 1–.
55. *Григорян Э.А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
56. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. М., 2009.